

Lûdmila Araeva

Feminativy v strukturno-sistemnom i kognitivno-funkcional'nom aspektah : (na materiale imen lic ženskogo pola v russkom âzyke koncâ XX - načala XXI vekov)

Acta Neophilologica 13, 17-27

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Людмила Араева

Кемеровский государственный университет

Jolanta Miturska-Bojanowska

Uniwersytet Szczeciński

ФЕМИНАТИВЫ В СТРУКТУРНО-СИСТЕМНОМ И КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ АСПЕКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕН ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ)

Key words: feminines, Russian, structural word-formation, cognitive word-formation

Активное сотрудничество России с различными странами мира, стремительно изменяющаяся действительность, ускоряющиеся темпы жизни, открытость лексической системы в значительной степени способствуют развитию словообразования русского языка. При этом заметно увеличивается количество дериватов со значением лица, что не является случайным, так как в центре языковой картины мира находится человек. По нашим подсчетам, словари новой лексики русского языка, вышедшие во 2-й половине XX и начале XXI веков, фиксируют около 10% дериватов с антропонимической семантикой. Сходные данные для чешского языка приводит Ингеборг Онхайсер [Онхайсер 2005: 35].

Статистические подсчеты обнаруживают асимметрию между названиями лиц мужского и женского полов в русском языке. Преобладающее количество слов со значением лица – это названия мужского пола (около 87%), среди которых доминируют мутационные суффиксальные дериваты. В чешском языке также преобладают названия лиц мужского пола [Онхайсер 2005: 35]. Фиксация языком картины мира с мужской точки зрения, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ и ряда других, более поздних исследователей (В.И. Беликова, Е.И. Горощко, Л.П. Крысина и др.), свидетельствует о „языковом сексизме” (дискриминации по признаку пола в языке), который проявляется не только на уровне словообразования, но также в грамматике, лексике и фразеологии. И.А. Бодуэн де Куртенэ констатирует, что доминирование мужских названий над

женскими в славянских языках отражает патриархальный характер этих культур [Baudouin de Courtenay 1993: 5].

Рис. 1. Названия лиц во II половине XX века в количественном отношении

В настоящей статье обращается внимание на феминативные названия, число которых значительно возросло с середины XX века, что свидетельствует о стремлении носителей русского языка к преодолению неравенства между мужчиной и женщиной, особенно в профессиональной сфере деятельности. Фактографический материал анализируется с позиций структурно-системного и когнитивно-функционального словообразования. Структурно-системный подход обуславливает выявление наиболее активных способов словообразования в исследуемой номинативной сфере, когнитивно-функциональный – позволяет выявить особенности дискурсивного характера мыслительной деятельности человека, проявляющего функциональные особенности связывания мотивирующего и мотивированного слова в пределах минимальной структуры знания, пропозиции [Араева 2002].

Существительные, называющие лиц женского пола, как правило, возникают с помощью суффиксации. Лишь единичные примеры являются результатом неосемантизации или сложения: *лыжница* (жарг.) ‘проститутка’, *метелка* (жарг., перен.) ‘о молодой девушке, женщине’; *горевестница* ‘женщина, приносящая печальное известие’, *киногероиня*, *комсомолка-доброволка* и пр. В отличие от названий лиц мужского пола среди дериватов со значением женскости представлена не только мутационная, но и модификационная семантика. Мутационная семантика репрезентирует субъектно-объектные пропозиции как в сфере имен лиц мужского, так и женского пола; модификационная – актуализирует субъектно-субъектные пропозициональные структуры. В первом случае проявляется равноправное положение именуемых лиц в социуме, во втором – зависимое положение женщины от мужчины.

Многие феминативы появляются в словарях одновременно с мужскими наименованиями лиц определенной профессии. Ср.: (60-е гг.) *асфальтировщик* и *асфальтировщица*, *бармен* и *барменша*, *бассист* и *бассистка*; (70-е гг.) *бамовец* и *бамовка*, *доводчик* и *доводчица*; (80-е гг.) *ждановец* и *ждановка*, *бизнесмен* и *бизнесменка*, *бизнесменица*; (90-е гг.) *алисоман* и *алисоманка*, *застольщик* и *застольщица*, *демократ* и *демократесса* (разг.). Но во многих случаях появление маскулинизмов не сразу порождает названия лиц женского пола. Отмечаются корреляты-феминативы, которые фиксируются словарями через десять, двадцать или даже тридцать лет, напр.: *антикоммунист* (60-е гг.) и *антикоммунистка* (90-е гг.), *байдарочник* (60-е гг.) и *байдарочница* (70-е гг.), *батутист* (60-е гг.) и *батутистка* (90-е гг.), *биатлонист* (60-е гг.) и *биатлонистка* (80-е гг.), *бомж* (80-е гг.) и *бомжиха* (90-е гг.), *высотник* (70-е гг.) и *высотница* (80-е гг.), *дзюдоист* (60-е гг.) и *дзюдоистка* (80-е гг.). Как представляется, в одних случаях феминативы не вошли в словарь скорее потому, что оказались не зафиксированными их составителями (*антикоммунист* – *антикоммунистка*), в других – сначала появились именованья лиц мужского пола и значительно позже – женского (например, дзюдо первоначально занимались мужчины и значительно позднее – женщины). Тем не менее, в повседневном общении мы говорим, что *дзюдоистка* – это женщина-спортсмен, которая занимается дзюдо. При этом отсутствует какая-либо коннотация, половое неравенство. Оба слова (*дзюдоист* и *дзюдоистка*), актуализируясь в границах одной и той же пропозиции: „субъект – действие – сфера действия”, что характерно для мутационного словообразования, употребляются для обозначения спортсменов и спортсменок, занимающихся определенным видом спорта.

В связи с развитием техники, информатизации, значительно расширяется спектр профессий, которые могут выполнять как мужчины, так и женщины. Возрастает количество феминативов, называющих специалистов различных профессий: *американист-к(а)*, *банкир-ш(а)*, *модельер-ш(а)*, *органиц-ш(а)*; *агент-есс(а)*, *премьер-ш(а)*, *столоначальн-ш(а)*, *телеметрист-к(а)*, *камвольц-ш(а)*, *шеф-ин(я)*, *пекар-их(а)*, *редактор-ис(а)*. К ним примыкают дериваты, называющие спортсменок: *каратэист-к(а)*, *кролист-к(а)*, *ратирист-к(а)*, *рубобист-к(а)*, *саночн-ш(а)*, *триатлонист-к(а)* и др.

Именованья лиц женского пола по профессии в обыденном общении соотносятся как с названием лиц мужского пола, так и непосредственно со сферой деятельности (ср.: *банкирша* – женщина-банкир, то есть женщина, выполняющая функции банкира, а также женщина, работающая в банке; *пекариха* – женщина-пекарь и женщина, работающая в пекарне). В первом случае указывается на то, что женщина выполняет профессиональные функции, а во втором – на место выполнения этих функций, что значимо для выработки стратегии говорящего. Женщина-банкир осмысливается обыденным сознанием как руководитель банка, ее можно назвать также банкиршей. В этом случае присутствует восхищение, обусловленное профессиональным выполнением женщиной мужской работы. Если акцент делается на место работы, то слово

банкириша употребляется с легкой иронией по отношению, например, к женщине, работающей кассиром в банке.

Значительную группу среди феминативов составляют названия с качественной характеристикой, напр.: *гипертонич-к(а)*, *многожен-к(а)*, *суицид-ниц(а)*, *терпелив-иц(а)*, *хохмач-к(а)*. Немало также и названий со значением ‘сторонник, последователь’: *антикоммунист-к(а)*, *перестрой-ицц(а)*, *пучист-к(а)*, *сталинист-к(а)*, *нудист-к(а)*, *кришнаит-к(а)* и пр.

Многие названия жительниц, равно как и жителей, мотивируются названиями места проживания: *фарер-ка* (жительница Фарерских островов), *саудов-ка* (жительница Саудовской Аравии), *кувейт-янка* (жительница Кувейта), *инопланетян-ка* (жительница иной планеты), репрезентируя пропозицию ‘субъект – действие – место’.

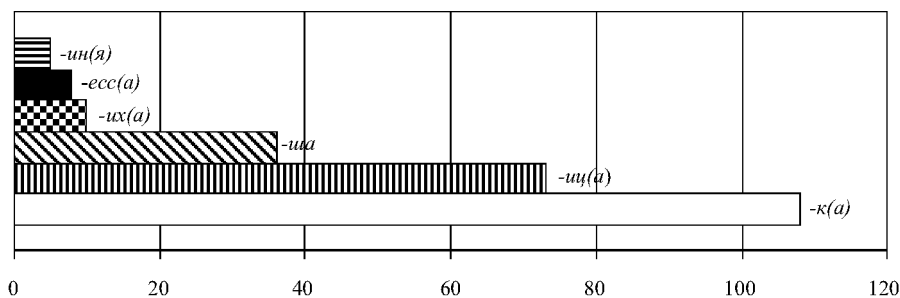

Рис. 2. Словообразовательная активность суффиксов при образовании феминативов

Наибольшей деривационной активностью среди феминативов отличаются суффиксы: *-к(а)*, *-иц(а)*, *-и(а)*, *-их(а)*, *-есс(а)*, *-ин(я)*. Эти субстантивы мотивируются как производными, так и непроизводными маскулинизмами. Если сравнить активность суффиксов, участвующих в образовании названий лиц мужского пола, то наиболее продуктивные модели в дальнейшем служат словообразующей базой для названий лиц женского пола (ср. рис. 3, 4), что проявляет мужское начало в русской языковой картине мира.

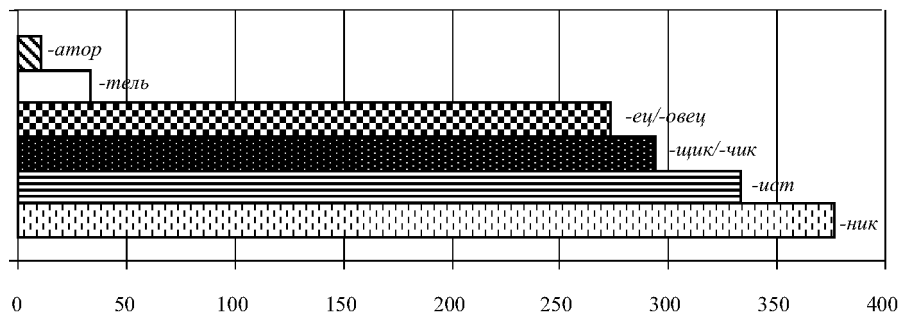

Рис. 3. Продуктивность суффиксов при образовании маскулинизмов

Производные с суффиксом *-ист*, специализирующегося на именовании лиц мужского пола, широко используются в качестве мотивирующих для дериватов, означающих лиц женского пола: *аквалангист-к(а)*, *визажист-к(а)*, *галерист-к(а)*, *керамист-к(а)*, *планиетист-к(а)*, *телеметрист-к(а)*, *фотожурналист-к(а)*, *юрист-к(а)*. И в этом случае для феминативов характерна мутационная семантика.

На базе немотивированных существительных мужского пола с помощью различных суффиксов рождаются дериваты типа: *адвокат-есс(а)*, *гид-есс(а)*, *кандидат-ш(а)*, *мэн-ш(а)*, *синоптич-к(а)*, *шеф-ин(я)*, *шофер-иц(а)*. Соответственно мужские названия с суффиксом *-ник* и *-щик/-чик* являются исходными для названий лиц женского пола: *байдароч-ниц(а)*, *десант-ниц(а)*, *лагер-ниц(а)*, *самостий-ниц(а)*, *саноч-ниц(а)*, *трав-ниц(а)*; *аккумулятор-щиц(а)*, *галерей-щиц(а)*, *камен-щиц(а)*, *самоволь-щиц(а)*, *вертолетч-иц(а)*, *доводч-иц(а)*, *опрокидч-иц(а)*. Однако в повседневном общении данные феминативы соотносятся непосредственно с мотивирующими, являющимися обцими для лиц мужского и женского пола. Ср.: *байдарочница* – спортсменка, управляющая байдаркой; такого же рода отношения между мотивирующим и мотивированным в словах: *санница*, *вертолетчица*, *аккумуляторщица*, *каменищица* (то есть в данных случаях говорящий связывает субъекта действия со средством, с помощью которого совершается действие); *травница* – женщина, собирающая траву (актантная семантика производного соотносится с актантной семантикой производящего в границах пропозиции: субъект, действие которого направлено на объект); *лагерница* – женщина, отбывающая наказание в лагере (репрезентирована пропозиция „субъект по месту действия”). Такого рода связи мотивирующих и мотивированных проявляют социальное равенство между именуемыми лицами мужского и женского пола, что поддерживается мутационной семантикой. В приведенных выше случаях как при именовании лиц мужского, так и женского пола представлены мотивирующие существительные, выступающие в аспекте средства, объекта, места действия.

Часть женских дериватов возникает на базе сложений и сложносокращений, где описанные выше виды пропозициональных связей представлены наглядно: *саниструктор-ш(а)*, *сексот-к(а)*, *соло-клоун-есс(а)*, *фотокореспондент-к(а)*, *первопроходч-иц(а)*, *первооткрыватель-ниц(а)*.

Значительно меньшей словообразующей активностью при образовании феминативов в современном русском языке характеризуются маскулинизмы с суффиксом *-ец* и *-тель*: *олимпий-к(а)*, *себулон-к(а)*, *бам-овк(а)*, *тимуро-овк(а)*; *водитель-ниц(а)*, *вымогатель-ниц(а)*, *вспоминатель-ниц(а)*.

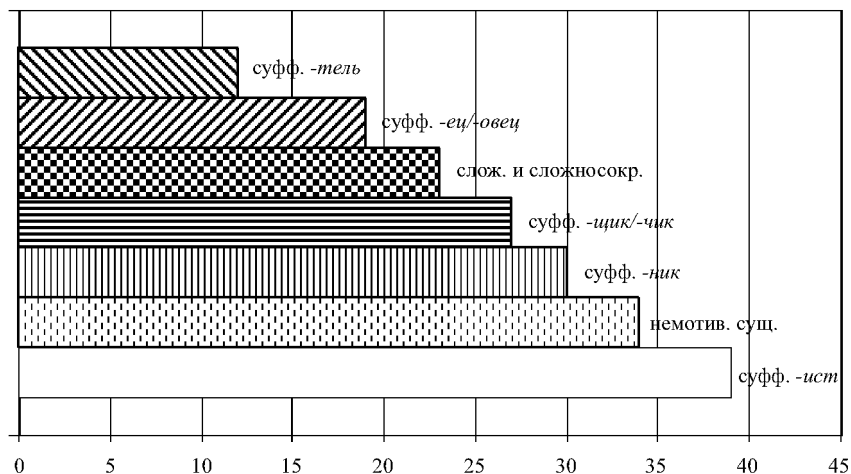

Рис. 4. Активность мотиваторов-маскулинизмов при образовании феминативов

Относительно небольшую группу составляют феминативы только с мутационной семантикой. В лексемах, мотивированных существительными, мотиватор называет род занятий, свойство, место, объект и пр. (то есть те же самые связи, которые приведены выше, проявляющие глубинные, пропозициональные отношения): *аборт-ниц(а)*, *спид-ол(а)*, *гектар-ниц(а)*, *детсад-ниц(а)*, *пуховн-щ(а)*, *ахматов-к(а)*, *браслет-щиц(а)*. Мутационные названия женского пола мотивируются также прилагательными: *бальн-щ(а)* ← *бальные танцы*, *газиров-щиц(а)* ← *газированная вода*, *горнолыжн-щ(а)* ← *горнолыжный спорт*, *целомурени-щ(а)* ← *целомуренный*, *челночн-щ(а)* ← *челночный бизнес*. Мотивирующие в приведенных примерах представлены относительными прилагательными, что детерминирует полимотивацию в границах одной и той же либо разных пропозиций (ср.: *газировщица* – женщина, торгующая газированной водой, газировкой; *горнолыжница* – женщина, занимающаяся горными лыжами, горнолыжным спортом и т.п.). Полимотивационные процессы проявляют тончайшие оттенки смысла, существенные для эффективности речевого общения в конкретной ситуации [Араева 2009: 5].

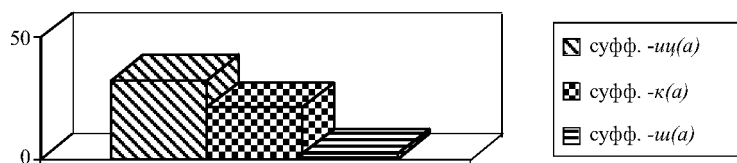

Рис. 5. Словообразовательная активность суффиксов при образовании мутационных феминативов

В образовании мутационных феминативов первенство принадлежит следующим суффиксам: $-иц(a)$, $-к(a)$, $-и(a)$.

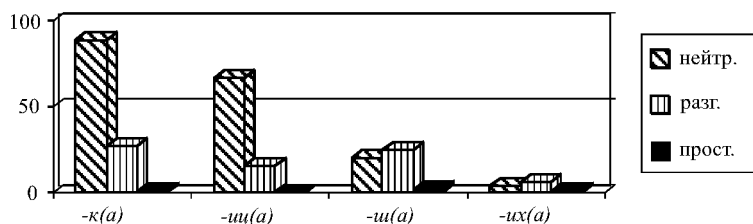

Рис. 6. Стилистическая характеристика феминативных суффиксов

В книжных стилях русского языка преобладают женские названия с суффиксами $-к(a)$ и $-иц(a)$. Оба суффикса проявляют активность и в разговорном языке. Следует отметить, что многие феминативы фиксируются в словарях без помет, т.е. с них снимается разговорный и даже просторечный налет (суфф. $-и(a)$, $-их(a)$). И.В. Баданина подчеркивает, что первые феминативы с суффиксом $-и(a)$ в значении ‘жена по профессии (чину) мужа’ известны русскому языку уже с I-ой трети XVIII века. В начале XX века активизируются деривационные процессы с использованием этого суффикса. Они нацелены, прежде всего, на создание названий лиц женского пола по роду их деятельности. В результате появляются многозначные дериваты типа: *бухгалтерша* ‘жена бухгалтера’ и ‘женщина-бухгалтер’, *секретарша* ‘жена секретаря’ и ‘женщина-секретарь’ и пр. При этом дериваты с суффиксом $-и(a)$ в текстах СМИ и в словарях фиксируются как нейтральные [Баданина 2007: 208]. Такая тенденция в сфере названий лиц женского пола объясняется общей направленностью русского языка в связи с демократизацией общества на размывание сложившихся в советское время жестких литературных норм. Процесс нейтрализации лексем со стилистической окраской заметно усиливается в конце XX века [Костомаров 1999: 286]. Помимо этого наблюдается регулярный вид полисемии, в которой один ЛСВ имеет модификационную семантику (жена человека определенной профессии), другой – мутационную (женщина определенной профессии). Наличие таких регулярных семантических сфер в границах многозначных дериватов свидетельствует о зыбкости формально-семантических границ словообразовательных типов с мутационной и модификационной семантикой [Араева 2009]. Кроме того, для деривата *бухгалтерша* в значении жена бухгалтера возможна множественная мотивация: жена бухгалтера; жена человека, который работает в бухгалтерии. То есть характер соотношения следующий: *бухгалтерша* – жена по отношению к мужу, работающему в определенной сфере деятельности (бухгалтер – работает в бухгалтерии), к мужу по выполняемой профессиональной деятельности (бухгалтер – производит бухгалтерские расчеты). Жена не имеет никакого

отношения непосредственно к профессиональному занятию мужа, кроме социального статуса (является женой бухгалтера). Женщина, выполняющая профессиональные обязанности, имеет иной социальный статус, позволяющий ей принимать самостоятельные решения, связанные с ее профессиональной деятельностью. То есть наименование жены – нечто внешнее по отношению к наименованию мужа, занимающемуся определенной профессиональной деятельностью. В первом случае полимотивация относится к названию мужчины, выполняющего определенные действия в профессиональной сфере деятельности и одновременно являющегося мужем. Во втором случае статус жены не учитывается совершенно, полимотивация связана с указанием на профессиональную сферу действия и действия, выполняемые самой женщиной. Таким образом, модификационная семантика ориентирована на сохранение приоритета мужского начала, мутационная – на равенство мужского и женского полов.

Согласно нашим подсчетам, среди названий лиц женского пола, отмечаемых словарями новой лексики, 58% составляют нейтральные дериваты, что является свидетельством преодоления языкового сексизма.

Среди названий лиц распространено явление словообразовательной синонимии и омонимии. Однако в количественном отношении в сфере феминативов оба явления подтверждены немногочисленными примерами. Как правило, однокоренные синонимы, называющие женщин, употребляются в разговорной речи, характеризуются сниженной стилистической окраской, что подтверждает приоритет мужского начала.

В образовании синонимических рядов наибольшую активность проявляют модели: „N- + -к(a) – N- + -ш(a)” и „N- + -к(a) – N- + -их(a)”: *бизнесмен-к(a)* (разг.) – *бизнесмен-ш(a)* (разг.), *бомж-овк(a)* (разг.) – *бомж-их(a)* (разг.), *чабан-к(a)* – *чабан-ш(a)*, *счетовод-к(a)* (разг.) – *счетовод-ш(a)* (разг.), *богач-к(a)* (разг.) – *богач-их(a)* (разг.), *функционер-к(a)* (неодобр.) – *функционер-ш(a)*.

Реже синонимия развивается с применением других суффиксов: *вампир-их(a)* (разг.) – *вампир-ш(a)*, *женсоветов-к(a)* (разг.) – *женсовет-щиц(a)*, *каратист-к(a)* – *каратэ-истк(a)*, *несунь-ј(я)* – *нес-ух(a)* – *нес-ушк(a)* (разг.), и пр.

Некоторые названия лиц женского пола входят в состав лексико-семантических вариантов многозначного производного слова. В качестве примера можно привести следующие лексико-семантические варианты: *итальян-к(a)*₁ ‘женщина итальянской национальности’, *итальян-к(a)*₂ (разг. проф.) ‘итальянская мина’, *итальян-к(a)*₃ (разг.) ‘итальянская забастовка’ (в данном случае мотивирующее обозначает страну, в которой в пределах многозначного слова объективируются названия женщины итальянской национальности, забастовки в Италии и средства, применяемого в забастовке). То есть фрейм „Италия” актуализирует в многозначном слове фрагмент своей концептосферы в границах пропозиций: объект по национальности; средство по стране, в которой оно произведено и используется; действие в определенной стране. Ср. также: *маляр-к(a)*₁ ‘малярная работа’, *маляр-к(a)*₂ ‘женщина-маляр’, *маляр-к(a)*₃ ‘помещение’ (в многозначном деривате в этом случае проявляются следующие смысловые

пересечения на межсловном уровне: малярные работы (*маляр-к(a)₁*), которые выполняются женщиной (*маляр-к(a)₂*) в помещении (*маляр-к(a)₃*).

Отраженная омонимия представлена в производных: *швейцар-ка₁* ‘женщина-швейцар’ и *швейцар-к(a)₂* ‘швейцарская система’.

Язык – зеркало эпохи, культуры, общественных отношений в социуме. Исследования показывают, что в славянских языках в сфере *nomina personae* распространено явление андроцентризма, проявляющееся в преобладании маскулинизмов над феминативами, что, в свою очередь, является отражением картины мира, основанной на мужской точке зрения. В русском языке последних десятилетий заметно возросло количество феминативов. Факт этот объясняется увеличением числа наименований лиц, общедоступностью для женщин мужских профессий, что обуславливает равноправие мужчин и женщин, а в связи с этим в языке обнаруживается снижение асимметрии между феминативами и маскулинизмами. В случае, когда названия лиц обозначают типично мужские или женские профессии, наблюдается отсутствие коррелятов. Половую асимметрию отражают слова: *маршал, воин, боец, посол, олигарх* и др. С другой стороны, следует отметить функционирование типично женских профессий: *маникюрша, машинистка, сиделка, проститутка, няня, нянечка, медсестра* и др. Обратные случаи, когда на базе женских возникают мужские имена, крайне редкие, напр.: *губернер* → *губерн-антк(a)* → *губернант*. Например: „Желающему стать губернатором, приходится отвечать на самые коварные и тяжелые вопросы”¹. Наибольшей активностью в образовании феминативов-коррелятов отличается суффикс *-к(a)*. Но в ряде случаев такие корреляты невозможны, так как с помощью этого суффикса образованы дериваты с другой семантической нагрузкой. Вслед за А.Н. Тихоновым приведем подобные случаи: *электрик* и *электричка* ‘электрический поезд’; *техник* и *техничка* ‘уборщица’; *прораб* и *прорабка* ‘помещение’; *глазник* и *глазница* ‘глазная впадина’ и др. [Тихонов 2002: 219].

Как следует из вышеизложенного, в настоящее время именованья лиц женского пола активно образуются суффиксальным способом. Наряду со значительным числом суффиксов, втянутых в процесс словопроизводства описываемых дериватов, вполне естественным является обрастание феминативов системными связями: синонимичными, полисемичными, омонимичными и т.п., что характеризует данную сферу производной лексики как активно употребляющуюся в речи, ставшую прототипичной для русского языкового сознания. Наряду с приоритетом мужского начала в русской языковой картине мира появляются названия лиц женского пола по профессиональной деятельности, существующие параллельно с мужскими именами, что в языке поддерживается мутационным словообразованием.

¹ Режим доступа: <<http://www.kid.ru/72003/index15.php3>>, дата доступа: 28.03.2011.

Источники

- Котелова Н.З. (ред.) (1981). Новое в русской лексике. Словарные материалы 78. Москва.
- Котелова Н.З. (ред.) (1982). Новое в русской лексике. Словарные материалы 79. Москва.
- Котелова Н.З. (ред.) (1984). Новое в русской лексике. Словарные материалы 80. Москва.
- Котелова Н.З. (ред.) (1986). Новое в русской лексике. Словарные материалы 81. Москва.
- Котелова Н.З. (ред.) (1986). Новое в русской лексике. Словарные материалы 82. Москва.
- Котелова Н.З. (ред.) (1987). Новое в русской лексике. Словарные материалы 83. Москва.
- Котелова Н.З. (ред.) (1989). Новое в русской лексике. Словарные материалы 84. Москва.
- Котелова Н.З., Денисенко Ю.Ф. (ред.) (1996). Новое в русской лексике. Словарные материалы 85. Санкт-Петербург.
- Котелова Н.З., Алаторцева С.И., Буцева Т.И. (ред.) (1996). Новое в русской лексике. Словарные материалы 86. Санкт-Петербург.
- Котелова Н.З., Денисенко Ю.Ф. (ред.) (1996). Новое в русской лексике. Словарные материалы 87. Санкт-Петербург.
- Левашов Е.А. (ред.) (1996). Новое в русской лексике. Словарные материалы 88. Санкт-Петербург.
- Соловьев Н.В. (ред.) (2001). Новое в русской лексике. Словарные материалы 89. Санкт-Петербург.
- Буцева Т.И. (ред.) (2004). Новое в русской лексике. Словарные материалы 90. Санкт-Петербург.
- Ю.Ф. Денисенко (ред.) (2005). Новое в русской лексике. Словарные материалы 91. Санкт-Петербург.
- Левашов Е.А. (ред.) (2004). Новое в русской лексике. Словарные материалы 92. Санкт-Петербург.
- Котелова Н.З., Сорокин Ю.С. (ред.) (1973). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. Москва.
- Котелова Н.З. (ред.) (1984). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. Москва.
- Левашов Е.А. (ред.) (1997). Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. Санкт-Петербург.

Библиография

- Араева Л.А. (2002). *Истоки и современное осмысление основных проблем русского словообразования*. В: П.А. Катышев (ред.). *Лингвистика как форма жизни. Сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента МАН ВШ Людмилы Алексеевны Араевой*. Кемерово, с. 4–24.
- Араева Л.А. (2009). *Словообразовательный тип*. Москва.
- Баданина И.В. (2007) *Проблема расширения лексического состава современного русского литературного языка в связи с выражением гендерных отношений*. В: *Русский язык: исторические судьбы и современность. III международный конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет. 20–23 марта 2007 года. Труды и материалы*. Москва.
- Катышев П.А. (2001). *Мотивационная многомерность словообразовательной формы*. Томск.
- Костомаров В.Г. (1999). *Языковой вкус эпохи*. Санкт-Петербург.

- Онхайсер И. (2005). *К соотношению названий мужчин и женщин в чешских словарях неологизмов*. В: *Słowo. Tekst. Czas VIII. Człowiek we frazeologii i leksyce języków słowiańskich. Человек во фразеологии и лексике славянских языков. Der Mensch In der Phraseologie und Lexik der slawischen Sprachen*. Szczecin, с. 35–40.
- Тихонов А.Н. (2002). *Современный русский язык*. Москва.
- Baudouin de Courtenay J.N. (1993). *Charakterystyka psychologiczna języka polskiego*. В: idem, *Dzieła wybrane*. Т. 5. Warszawa.

Summary

Feminines in Structural-systemic and Cognitive-functional Perspective (Based on Female Names in the End of 20th and Early 21th Century Russian)

Baudouin de Courtenay and many later scholars have since long spoken about “linguistic sexism”. Our research in Russian lexicon also point at such an asymmetry in the names of males and females. The material contained here is analyzed from a structural and cognitive word-formation perspective.